

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-84-94

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Литвинчук И. Н.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: irinlitvi@gmail.com*

Публикуемое исследование направлено на изучение особенностей лексической дистрибуции имен прилагательных с именем существительным «менталитет». В работе предпринята попытка интегрирования методологических подходов таких научных направлений, как корпусная лингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и социолингвистика. Применение методов корпусной лингвистики позволяет выявить объективные закономерности функционирования конкретных языковых единиц в условиях письменного дискурса, а также проследить динамику изменений семантики изучаемых лексических дистрибуций в диахроническом аспекте языка и речи. Анализ случаев употребления имен прилагательных «национальный», «русский», «специфический», «рабский», «совковый», «этнический» в дистрибуции с существительным «менталитет» осуществлен на материале примеров, представленных в «Национальном корпусе русского языка», в соответствии со следующими критериями: а) специфика функционирования данных лексических дистрибуций в диахроническом аспекте; б) психосемантические, социолингвистические и когнитивно-лингвистические особенности актуализации семантики рассматриваемых словосочетаний; в) жанровые и стилистические особенности данных дистрибуций в различных контекстах. Результаты показывают, что понятие «менталитет» выступает как важный элемент культурного кода, отражающий коммуникативные установки, ценности и речевые поведенческие паттерны носителей русского языка.

Ключевые слова: менталитет, конкорданс, коллокат, корпусная лингвистика, когнитивная лингвистика.

ВВЕДЕНИЕ

Феномен менталитета остается предметом острых дискуссий среди исследователей, поскольку семантически отражает сложное сочетание индивидуальных, исторических, социокультурных и психолого-лингвистических компонентов культурного кода [4, с. 117; 17, с. 30; 18, с. 286]. Однако именно многообразие подходов обуславливает значимость данного явления как объекта междисциплинарных исследований в рамках антропоцентрической парадигмы современной науки [13, с. 25]. Исследования феномена менталитета имеют большое значение для анализа социально-политических процессов в современном мире, поскольку помогают объяснить отношение представителей определенной общности к государству, власти, закону, труду, деньгам, богатству [2, с. 73], интерпретировать природу таких явлений, как конфликты поколений, межэтнические столкновения, поведение избирателей и реакция общества на реформы.

Термин «менталитет» получил распространение в научной литературе в XX в. Если первоначально менталитет рассматривался только как совокупность характеристик представителей определенной социокультурной общности, то позднее в рамках осуществления междисциплинарных исследований в это понятие были введены такие смысловые элементы, как когнитивные особенности, верования, установки, мотивы культурной деятельности [7, с. 6], ценностные ориентации и стереотипы поведения индивидов, обусловленные культурной средой [12]. Однако почти сразу в научной среде

возникли разногласия относительно границ применения термина «менталитет»: то время как одни исследователи настаивали на том, что это в первую очередь историко-психологическая категория [14, с. 14], другие – считали целесообразной его интерпретацию в рамках психологии, философии [10, с. 302–306], культурологии [3, с. 93]. М. Блок определял менталитет как часть коллективного сознания, отражающего глубинные структуры мышления народа [5, с. 175].

Научное осмысление феномена менталитета сегодня осуществляется и на стыке нескольких важнейших направлений языкознания: корпусной лингвистики, когнитивной лингвистики и психолингвистики [1, с. 33]. Эти дисциплины предоставляют разнообразные инструменты и методики, способные пролить свет на взаимосвязь языка, сознания и культурного контекста [9; 17, с. 30; 15, с. 153]. Таким образом, проведение междисциплинарных исследований менталитета с использованием данных и методов указанных научных направлений является перспективным и целесообразным.

Крупнейшие электронные корпуса, содержащие миллионы текстовых единиц и являющихся мощным аналитическим инструментом на уровне отдельных лемм [20, с. 10], позволяют объективно наблюдать эволюцию языковых средств, обозначающих ментальные категории и имеющих значения, связанные с восприятием различными субъектами речевой деятельности окружающего мира и себя в нем. Корпусные данные служат валидной основой для выявления и прогнозирования динамики долгосрочных изменений в общественном сознании и таком его корреляте, как менталитет.

Цель нашего исследования – проанализировать все контекстуальные примеры конкорданса употребления имен прилагательных «национальный», «российский», «специфический», «рабский», «совковый», «этнический» в сочетании с лексемой «менталитет» по критериям: 1) особенности употребления данных словосочетаний в контекстах, относящихся к различным временным периодам; 2) тематические, психосемантические, социолингвистические и когнитивно-лингвистические особенности контекстуального употребления и актуализации семантических особенностей данных словосочетаний в примерах-предложениях из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ); 3) жанрово-стилистические особенности данных словосочетаний в анализируемых примерах. Для различных случаев анализа приведены аутентичные примеры из текстов, содержащихся в НКРЯ, указаны их авторы, источники и даты опубликования. Отметим, что конкордансный анализ [22, с. 197] представляет собой метод изучения внутритекстовых соответствий определённого слова или словосочетания, позволяющий исследовать контекстные условия его употребления.

Поиск по запросу «портрет слова “менталитет”» в НКРЯ дает результаты, которые демонстрируют градиционный ряд статистически устойчивых коллокаций, то есть словосочетаний, воспринимаемых носителями языка как привычных и органичных, несмотря на то, что выбор входящих в него элементов иногда кажется произвольным и не обусловленным строгими правилами грамматики или логики. Данные, представленные в виджете «скетчи», помогают определить, каким образом слово «менталитет» вступает во взаимосвязь с другими лексическими единицами в рамках системы современного русского языка. Эти связи выявляются посредством анализа сочетаний рассматриваемой лексики со словами, выраженными различными частями речи: таким образом, учитываются грамматические отношения между лексемами и охватываются ключевые аспекты их функционирования в языке. При этом набор характерных синтаксических взаимозависимостей варьируется в соответствии с принадлежностью рассматриваемого слова к той или иной части речи.

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Исследование включает интерпретацию результатов-коллокаций слова «менталитет», представленных только именами прилагательными, которые представлены в градационном ряде его коллокатов. Подробный разбор других коллокатов, зафиксированных в НКРЯ, выходит за рамки целеполагания этого исследования. Однако считаем целесообразным привести исчерпывающий список всех коллокатов, сопроводив в скобках каждый из них статистически валидным указанием на абсолютную частоту дистрибутивного употребления с лексемой «менталитет», согласно данным, содержащимся в НКРЯ (здесь и далее статистические данные и примеры взяты из НКРЯ) [16]: а) глаголы в инфинитиве: *воспринимать* (5,09), *меняться* (3,76), *измениться* (2,87); б) глаголы с прямым дополнением: *учитывать* (4,5); *менять* (3,09), *изменить* (2,89), *понять* (1,13); в) глаголы с косвенным дополнением: *соответствовать* (4,07), *противоречить* (3,96), *отвечать* (2,09); г) глаголы с предложным дополнением: *повлиять* (4,07), *отличаться* (1,85), *оставаться* (0,36); д) имена существительные: *традиция* (6,36), *подход* (5,8), *основа* (5,05), *сознание* (4), *культура* (3,84), *опыт* (3,77), *отношение* (2,97).

Таким образом, лексема «менталитет» выполняет синтаксическую функцию подлежащего («*Хотя наш восточный менталитет и социальный опыт иной, чем на Западе, воспринимает награды, как фигуры в шахматной игре*: И. Н. Вирабов. «*Андрей Вознесенский*», 2015), одного из перечисленных типов дополнений при глаголах, приведенных в данном списке («*Причем здесь, учитывая наш российский менталитет, я бы особо выделил такую составляющую, как крыша над головой*»: Не с той ноги пошли в реформу // «*Российская газета*», 15.05.2003; «*Безусловно, менталитет американцев и того же канадца отличается от нашего менталитета*»: Мечта позволяет людям верить в свою страну // «*Управление персоналом*», 15.11.2004) и используется в качестве контекстуального синонима для имен существительных, выступающих, как правило, в синтаксической функции дополнений («*Они тоже желали руководить, причем не считаясь с нашим менталитетом, нашими традициями*»: Ю. Башмет. *Вокзал мечты*, 2003).

Отметим, что описание перечня коллокатов является целесообразным для глубокого понимания и всесторонней интерпретации семантического окружения слова «менталитет». Коллокаты помогают выявить закономерности сочетаемости, характерные для определенного контекста, определить оттенки значения лексемы «менталитет», а также проследить специфику ее функционирования в речи.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Количественная прерогатива в списке коллокатов-определений, выраженных именами прилагательными, принадлежит коллокату «*совковый*» (7,6): здесь и далее в скобках указана абсолютная частота употребления дистрибуции определенного коллоката в соответствии с данными, представленными в НКРЯ. Анализ сочетаемости прилагательного «*совковый*» с существительным «менталитет» демонстрирует, что дистрибуция «*совковый менталитет*» характеризуется выраженной негативностью оценочной семантики по отношению к ряду социально-психологических проявлений: а) косность мышления, проявляющаяся в консерватизме взглядов и нежелании перемен, обуславливающая низкую деятельностную эффективность субъектов социального взаимодействия как следствие неспособности адаптироваться к новым политическим и экономическим условиям («*Наш-де совковый менталитет не позволяет этого сделать*»: Денис Пирогов, голодное брюхо к свободам глухо // «*Независимая газета*», 2003); б) психологическая зависимость от прошлого, сохранение старых привычек и страхов

(«Во всех нас, в ком больше, в ком меньше, сидят остатки совкового или антисовкового менталитета»: Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру, 1988); в) доминирующей чертой совкового менталитета признается отсутствие персональной инициативы, ожидание действий сверху («А она презирала учителей за косность мышления и совковый менталитет»: Татьяна Устинова. Персональный ангел, 2002).

Когнитивно-лингвистические аспекты семантики словосочетания «совковый менталитет» отражают связь этого понятия с культурными архетипами и ментальными моделями. В данном случае когнитивная схема семантической интерпретации формируется на основе противопоставления старого и нового: советская эпоха представляется как символ ограничений, что проявляется в описании особенностей мышления («косность мышления»). Современные представления о содержании понятия «менталитет» связаны с большей свободой и независимостью, что выражается посредством противопоставления прогрессивного и консервативного мировоззрения.

Случаи упоминания дистрибуции «совковый менталитет», представленные в НКРЯ, преимущественно приводятся в текстах, опубликованных в поздний советский и постсоветский периоды. Начало XXI в. (2002–2003 гг.) характеризуется наиболее частотным использованием дистрибуции «совковый менталитет» в средствах массовой информации. В этот исторический период после распада СССР, когда общество активно переосмысливало свое прошлое, а антисоветская пропаганда приобрела значительные масштаб и влияние, возникла ситуация морально-нравственной ревизии ценностных ориентаций. В это время дистрибуция «совковый менталитет» активно используется журналистами и публицистами, поскольку это выражение помогает создать эффект узнавания и повысить выразительность текста, способствует интенсификации эмоций адресатов публикации, тем самым повышая интерес к ней. В более ранних текстах, например, в сборнике стихотворений А. Вознесенского «На виртуальном ветру», также демонстрируются стремление осмыслить изменения, происходящие в обществе, путем анализа влияния исторического наследия. Несмотря на изменение политического климата и общественного настроения, негативное восприятие «совкового менталитета» сохраняется вплоть до настоящего времени, что подтверждает устойчивость данной конструкции в современном русском языке.

Таким образом, анализ примеров, представленных в НКРЯ, показывает высокую частотность и разнообразие семантических аспектов контекстуальной интерпретации словосочетания «совковый менталитет»: оно используется авторами текстов как средство критики старых социальных установок, отражает смену исторических эпох и является семантически значимым маркером несовременного миропонимания. Разнообразие жанровых форм тестов, в которых представлено данное словосочетание, и его высокочастотное отражение в медийном дискурсе свидетельствуют об актуальности понятия «совковый менталитет» в современной русскоязычной культуре.

Следующим по частотности (5,49) определением-коллокатом является прилагательное «рабский». Динамика изменений в хронологическом аспекте использования дистрибуции «рабский менталитет» проявляется следующим образом: период ее активного употребления в источниках совпадает, во-первых, с реформаторскими процессами конца 1980-х гг., когда СССР вступил в эпоху радикального обновления, а во-вторых, – с началом XXI в., поскольку в 2000-е и 2010-е годы тенденция популяризации данного понятия продолжает оставаться актуальной благодаря обсуждению проблем демократии и гражданского общества. Использование в различных контекстах словосочетания «рабский менталитет» актуализирует

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

негативную оценку определенных культурных установок, обусловленных глубоко укоренившимися социальными традициями. В большинстве контекстов, представленных в НКРЯ, эта дистрибуция используется для описания психологического состояния общества или конкретного человека, соотносимого с покорностью власти, пассивностью перед лицом несправедливости, терпимостью к унижениям и ограничениям свободы. Данное словосочетание имеет негативный семантический оттенок и применяется чаще всего критиками российских традиций и общественного устройства. Жанровая вариативность текстов (это преимущественно статьи и рассказы), в которых представлен коллокат «*рабский*» в сочетании с лексемой «*менталитет*», обусловлена спецификой научно-популярного, публицистического и художественного стилей. Таким образом, можно утверждать, что словосочетание «*рабский менталитет*» обладает устойчивостью употребления и широким спектром контекстуального применения, поскольку в различных современных дискурсах является отражением глубоких социальных и культурных процессов, актуальных для российского общества.

Обращает на себя внимание тот факт, что прилагательное-коллокат «*рабский*» обладает сходной частотностью с коллокатом «*национальный*» (5,32). Анализ дистрибуции «*национальный менталитет*» в НКРЯ позволяет выявить ряд закономерностей и особенностей его употребления в зависимости от временного периода, жанра, тематических аспектов. Так, в соответствии с данными, представленными в НКРЯ, использование определения «*национальный*» в дистрибуции с лексемой «*менталитет*» заметно контекстуально-семантически варьируется в разные периоды. Примеры употребления данного словосочетания, датированные временным периодом до 2000-го года, немногочисленны и преимущественно представлены в контекстах художественного стиля («*Это и русский национальный менталитет, и вселенскость, идущая от греков*»: Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру, 1998).

Начиная с 2000-х гг. данная дистрибуция становится все более популярной среди исследователей, публицистов и журналистов и все чаще появляется в научно-популярных и публицистических текстах («*У восточных народов национальный менталитет приобрел кланово-семейно-родовые характеристики*»: «Futurum», или о разделении России на «мы» и «они» (2004) // «Жизнь национальностей», 16.04.2004). В этот период словосочетание «*национальный менталитет*» активно употребляется в нескольких ключевых областях. Наиболее частотными являются примеры употребления в контекстах, связанных с тематикой психологии, философии и культуры: устойчивое внимание экспертов к понятию «*национальный менталитет*» указывает на важность осознания различий в восприятии социальной реальности представителями различных социокультурных групп («*Именно особенности национального менталитета дают ключ к подлинному пониманию зарубежных реалий*»: В. В. Овчинников. Размышления странника, 2012), особенностей их поведения и личного мировоззренческого выбора. Так, фокус на семейных отношениях и ролевом конфликте женщины актуализирует полисемантическую рассматриваемой дистрибуции в гендерном контексте («*Дело тут не столько в национальном менталитете, сколько в уровне культуры здоровья и личной безопасности*»: Игорь Кон. Муж. Любовник. Кормилец. Определись! // «Психология на каждый день», 2010). Зачастую рассматриваемая дистрибуция используется в значении «совокупность поведенческих шаблонов, привычек и стереотипов, связанных с принадлежностью к определенной культурной группе» или «принадлежность индивида к конкретному культурно-психологическому пространству, которое формирует базовые представления человека о мире и способах коммуникации внутри группы». Например,

А. Иванов описывает манси как независимых и стойких, что соответствует общепринятым представлениям о народах Севера («*Но в национальном менталитете манси было что-то, что не позволяло манси покориться*»: Алексей Иванов. Message // Чусовая. 2007). С. Н. Есин в своих рассуждениях делает акцент на противоречивости русской души, видя в ней отражение дуалистичной природы русского менталитета («*Специалист по национальному менталитету, он изобличает “двойную жизнь русской души”, находит “сквозной закон русской души” в том, что “правда на Руси всегда прикидывалась ложью*»: С. Н. Есин. Дневник, 2006).

Следующим по частотности использования авторами текстов дистрибуции «*национальный менталитет*» является тематическое направление «экономика и бизнес»: примеры таких публикаций демонстрируют применение концепции национального менталитета для объяснения успехов или неудач в экономике, особенно в контексте международных сравнений («*Измельчание польского бизнеса на самом деле не просто черта национального менталитета, но также и часть стратегии ЕС по вписыванию Польши в собственное экономическое пространство*»: Нина Ильина. Барьер вторичности // «Эксперт», 2014). Кроме того, в качестве значимого тематического блока выступают примеры употребления рассматриваемой дистрибуции в текстах, связанных с тематикой искусства и моды («*Но так уж повелось, что любят его изображать в более близком национальному менталитету деревянном изделии*»: Елизавета Мельникова. Дом для Тобика // «Сад своими руками», 15.07.2003).

Период 2010-х гг. характеризуется преимущественным использованием лексической дистрибуции «*национальный менталитет*» в различных чатах и текстах форумов (Papa Karlo: *И дело здесь далеко не в национальных менталитетах отдельных людей*: Форум «Инновационная экономика», 2013). Эта тенденция, сохраняющая свою актуальность до настоящего времени, детерминирована ключевыми факторами, которые отражают культурные, социальные и политические изменения эпохи: во-первых, активное развитие социальных сетей и онлайн-коммуникаций привело к расширению возможностей обсуждения культурных различий между народами; во-вторых, рост миграционных процессов и расширение контактов россиян с иностранцами обусловили осознание важности понимания национальных особенностей восприятия мира. Высокочастотное употребление словосочетания «*национальный менталитет*» в текстах сетевых сообществ в период первых двух десятилетий XXI в. отражает публичную рефлексивность, направленную на осмысление авторами текстов своей культурной идентичности в условиях быстро меняющегося мирового порядка, усиления международных связей и культурного многообразия.

Таким образом, лексическая дистрибуция «*национальный менталитет*» обладает широким диапазоном значений и употреблений, охватывающих научную, политическую, социально-экономическую и культурную сферы. Регулярность ее употребления в различных контекстах обусловлена социально-культурными особенностями временных периодов создания и опубликования текстов и жанровыми предпочтениями их авторов.

Следующим по частотности (5,06) определением-коллокатом лексики «*менталитет*» является прилагательное «*этнический*». Обращение к примерам из НКРЯ позволяет проследить эволюцию и популярность словосочетания «*этнический менталитет*». Отмечено активное использование дистрибуции «*этнический менталитет*» в академических публикациях и журналах с 2003 года («*...Перебирая в застольном исполнении эти песни-формулы, мы создаем цепочку символов, за каждым из которых – целый песенный мир, т. е. пласт русского этнического менталитета*»:

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

О. Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003). С начала 2010-х годов отмечается использование данной дистрибуции в научных источниках, в которых представлены результаты изменений в российском обществе, вызванных технологическими и демографическими изменениями («Урбанизация и культивирование через интернет и СМИ потребительского образа жизни меняют не только традиционный быт, но и модели общения и поведения, семейные отношения, способы воспитания и обучения подрастающего поколения, что ведет к деградации многих языков и этнического менталитета»: В. Никитаев. О «рабском» менталитете и идее справедливости русского народа, 2018). В этот же период можно отметить появление научных и научно-популярных статей, в которых семантика дистрибуции «этнический менталитет» актуализируется в контексте обсуждения межцивилизационных конфликтов, особенностей процесса глобализации и проблемы сохранения культурных границ [8, с. 111]. Словосочетание «этнический менталитет» прочно вошло в научно-академический оборот и регулярно фигурирует в текстах гуманитарного профиля, поскольку отражает глубинные процессы сохранения этнической идентичности и противодействия негативным аспектам глобализации.

С конца XX в. и до настоящего времени дистрибуция «*российский менталитет*» (3,99) сохраняет популярность в текстах различных жанров. При этом следует отметить особенности динамики интерпретации значения данного словосочетания: если в конце 1990-х акцент делался на констатации значимости менталитета как факта культурно-исторической жизни («*Мы болезненно меняем свой неповторимый, уникальный российский менталитет на всеобщий среднеевропейский*»: Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы, 1997), то в более поздних публикациях все более актуальным в контексте обсуждения влияния патриархальных традиций на современное общество является экспрессивно-оценочный компонент семантики данного словосочетания («*Таков российский менталитет: как только у человека появляются деньги, он стремится первым делом хорошо и красиво поесть*»: Е. Ленц. Рыба в виде птицы, 2004), которое активно используется в публицистике, научных статьях и исследованиях по вопросам культуры, истории, права и менеджмента («*Самое трудное для управления процессом перехода – в начальный момент сформулировать “работающий” образ цели, не противоречащий существующему российскому менталитету*»: В. Лобачев. «Свобода» и «несвобода» в глобальных сетях, 2011). Коллокат «*российский*» выступает как семантический маркер культурного своеобразия, в котором отражаются неосознаваемые стереотипы мировосприятия россиян («*Фигура дизайнера исторически была чужда не столько российскому менталитету, сколько огромному и беспощадному народному хозяйству с его извечным превосходством ширпотреба над индпошивом*»: Хасан Ганиев. Как на картинке // «Автопилот», 15.06.2002).

В терминологическом аспекте словосочетание «*российский менталитет*» часто ассоциируется с социальными нормами и моделями поведения россиян [21, с. 131] по отношению к труду, семье, государству и правам собственности. Данная дистрибуция зачастую используется для обозначения традиционных ценностей и привычных форм межгруппового и межличностного взаимодействия («*Те элементы западной системы, которые хотят ввести у нас, совершенно не соответствуют нашему российскому менталитету*»: Мария Разлогова. Детки в клетке // «Однако», 2010). Таким образом, используя дистрибуцию «*российский менталитет*», авторы публикаций привлекают внимание читателей к необходимости осознания глубинных культурных паттернов,

оказывающих влияние на сознание и поступки россиян. С начала 2000-х годов данное словосочетание высокочастотно используется в научно-публицистических текстах («Причем здесь, учитывая наш российский менталитет, я бы особо выделил такую составляющую, как крыша над головой»: Не с той ноги пошли в реформу // «Российская газета», 15.05.2003).

Отметим, что интерпретация контекстуальной семантики словосочетания «специфический менталитет» (3,6) в публицистике и художественной литературе конца XX в детерминирована преимущественно негативными коннотациями («Отвечая на этот вопрос, можно было бы сослаться на загадочную русскую душу, специфический менталитет советских людей – совковую психологию»: Анатолий Собчак. Дюжина ножей в спину, 1999). Это словосочетание используется как термин в публицистических текстах начала 2000-х годов с целью подчеркнуть уникальность национальных, этнических и субэтнических групп («Необходимо, представляется, переосмысление роли казаков в новых условиях с учетом геополитических интересов России и её территориальной целостности как жителей приграничья с его специфическим менталитетом»: Поиск продолжается // «Жизнь национальностей», 23.11.2001). В текстах форумов 2010-х гг. дистрибуция «специфический менталитет» обретает уже нейтральную и позитивную семантическую окраску, транслируя представление о ментальных особенностях русского национального характера («О нашем образе жизни, специфическом, но добром и задушевном менталитете»: Форум «Любовь и голуби», 2007–2010). Этим же периодом датированы отрывки из научных статей, в которых «специфический менталитет» используется в терминологическом аспекте, подчеркивая специфику постмодернизма как культурной парадигмы [11, с. 11]. Таким образом, словосочетание «специфический менталитет» обладает несколькими устойчивыми семантическими компонентами, проявляющимися в различных контекстах: а) ментальная эксклюзивность (подразумевается особая черта, присущая исключительно определенному народу); б) этнокультурная и историческая обусловленность (выражаются ассоциации с культурой, традициями и образом жизни конкретной национальной / этнической общности и влиянием исторических процессов на ее формирование); в) индивидуальные психологические черты членов определенной национальной общности. Эти семантические составляющие дистрибуции «специфический менталитет» проявляются в различных жанрах, актуализируя ее контекстуальную семантику в зависимости от коммуникативной задачи автора и целевой аудитории текста. Так, в текстах научного жанра данное словосочетание употребляется в рамках строгих формулировок, отражающих объективизацию понятий и теоретическое осмысление феноменов культуры и истории. В текстах форумов употребление этой дистрибуции является более эмоционально насыщенным, зачастую включает элементы самоиронии и шуточного отношения автора текста к понятию «ментальность». В публицистике использование словосочетания «специфический менталитет» чаще всего связано с обсуждением насущных социальных проблем и часто употребляется в рамках оценочных высказываний, а в текстах художественного стиля сопровождается элементами сарказма или критики, направленной на устаревшие стереотипы и негативные стороны исторического опыта. Таким образом, можно сделать вывод о разнообразии семантических оттенков употребления данного словосочетания в русской письменной речевой практике. Именно благодаря своему широкому спектру значений и жанровой вариативности, данное словосочетание сохраняет свою значимость и функциональную востребованность в современном русском языке.

ВЫВОДЫ

Глубокое осмысление особенностей содержания понятия «менталитет» в языковом сознании носителей русского национального языка способствует сохранению российским обществом своей культурной самобытности в условиях энтропии социальных процессов, обусловленной глобализацией, стремительным развитием информационных технологий и неконтролируемым внедрением искусственного интеллекта, в частности языковых моделей, в различные сферы общественной практики. Исследования менталитета, проведенные с применением методов корпусной лингвистики, когнитивной лингвистики и психолингвистики, позволяют учитывать этноспецифические особенности освоения обучающимися дисциплин филологического цикла [19, с. 187] и открывают значительные перспективы для повышения качества образовательного процесса, который ориентирован на подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих способностью эффективно взаимодействовать в мультикультурной среде.

Продолжение корпусных исследований позволит расширить знания о природе менталитета, выявляя многочисленные грани его проявления в различных языковых и речевых репрезентациях современной русской культуры. Представляется целесообразным осуществление дальнейших исследований концепта «менталитет» на базе «Национального корпуса русского языка» в сопоставлении с результатами ассоциативного эксперимента, нацеленного на выявление содержания данного концепта в языковом сознании носителей современного русского языка.

Список литературы

1. *Абильдинова Ж. Б.* Языковое сознание как психолингвистический феномен // Неофилология. – 2018. – № 14. – С. 33–41.
2. *Бадмаева С. В., Трофимова Е. К.* Влияние «русского менталитета» на стиль российского менеджмента // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 5. – С. 68–76.
3. *Бетильмерзаева М. М.* Ментальность в контексте новых исследовательских подходов // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». – 2022. – № 4 (44). – С. 91–104.
4. *Богодухова Е. В., Фомина М. Н.* Основные подходы к изучению менталитета и ментальности // Kant. – 2020. – № 2 (35). – С. 117–120.
5. *Галкова О. В., Петрова И. А.* Концепция ментальности М. Блока // Известия ВГПУ. – № 6 (110). – С. 174–180.
6. *Глухов С. В.* Культурные пережитки Э. Б. Тайлора: попытка классификации // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 10–25.
7. *Гуревич П.* Ментальность как характеристика культуры // Философская антропология. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 6–18.
8. *Залибекова А.* Глобализация и регионализация образовательной политики в контексте ее этнокультурного ресурса // Век глобализации. – 2019. – № 4. – С. 108–118.
9. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – Мю: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
10. *Зиммель Г.* Изменение форм культуры // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 392 с.
11. *Козьякова М. И.* Наука и искусство XX века: между логосом и мифом // Культурологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 1–14.
12. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
13. *Магомедова Э. А., Юсупов Ю. Г.* Проблема ментальности в гуманитарном знании: основные подходы // Юг России: экология, развитие. – 2011. – № 1. – С. 25–30.
14. *Манкевич Д. В.* Менталитет и ментальность: к вопросу о характере и содержании понятий // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. – 2005. – № 1. – С. 12–19.

15. Монина Н. П. Отражение факторов формирования русского менталитета в языке // Язык и культура. – 2016. – № 21. – С. 151–155.
16. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: ruscorpora.ru. – (Дата обращения: 30.07.2025).
17. Нечаева Е. Ф. Языковое сознание и национальный менталитет (к вопросу о терминологии) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 30–33.
18. Полежаев Д. Русский менталитет: социально-философская концепция // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2012. – № 3. – С. 285–303.
19. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: ИД КФУ, 2022. – 200 с.
20. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34
21. Селеверстов Р. Е., Ткач Н. Е. Российский менталитет: основные черты и объективные факторы его формирования // Миссия конфессий. – 2024. – № 76. – С. 131–142.
22. Филиппова Ю. Ф. Конкордантный и доминантный аналитические подходы при описании фольклорной картины мира этнических немцев (на примере пасхальной обрядности) // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 1 (17). – С. 215–220.

References

1. Abil'dinova Zh. B. *Jazykovoje soznanie kak psiholingvisticheskiy fenomen* [Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon]. *Neofilologija*, 2018, no 14, pp. 33–41.
2. Badmaeva S. V., Trofimova E. K. *Vlijanie «rossijskogo mentaliteta» na stil' rossijskogo menedzhmenta* [The influence of the «Russian mentality» on the style of Russian management]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*, 2010, no 5, pp. 68–76.
3. Betil'merzaeva M. M. *Mental'nost' v kontekste novyh issledovatel'skih podhodov* [Mentality in the context of new research approaches]. *Vestnik MGPU, Serija «Filosofskie nauki»*, 2022, no 4 (44), pp. 91–104.
4. Bogoduhova E. V., Fomina M. N. *Osnovnye podhody k izucheniju mentaliteta i mental'nosti* [Basic approaches to the study of mentality and mentality]. *Kant*, 2020, no 2 (35), pp. 117–120.
5. Galkova O. V., Petrova I. A. *Koncepcija mental'nosti M. Bloka* [M. Blok's concept of mentality]. *Izvestija VGPU*, no 6 (110), pp. 174–180.
6. Gluhov S. V. *Kul'turnye perezhitki Je. B. Tajlora: popytka klassifikacii* [E. B. Tylor's Cultural Survivals: An Attempt at Classification]. *Vestnik kul'turologii*, 2022, no 4 (103), pp. 10–25.
7. Gurevich P. *Mental'nost' kak harakteristika kul'tury* [Mentality as a characteristic of culture]. *Filosofskaya antropologiya*, 2024, V.10, no 1, pp. 6–18.
8. Zalibekova A. *Globalizacija i regionalizacija obrazovatel'noj politiki v kontekste ee jemokul'turnogo resursa* [Globalization and regionalization of educational policy in the context of its ethnocultural resource]. *Vek globalizacii*, 2019, no 4, pp. 108–118.
9. Zaliznjak A. A., Levontina I. B., Shmel'jov A. D. *Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2005. 544 p.
10. Zimmel' G. *Izmenenie form kul'tury* [Changing of the forms of culture]. *Zimmel' G. Izbrannoe. Sozercanie zhizni*. Ed. By S. Ja. Levit. Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2017. 392 p.
11. Koz'jakova M. I. *Nauka i iskusstvo XX veka: mezhdur logosom i mifom* [Science and Art of the Twentieth Century: Between Logos and Myth]. *Kul'turologicheskij zhurnal*, 2013, № 1, pp. 1–14.
12. Levi-Brjul' L. *Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. 608 p.
13. Magomedova Je. A., Jusupov Ju. G. *Problema mental'nosti v gumanitarnom znanii: osnovnye podhody* [The problem of mentality in the humanities: basic approaches]. *Jug Rossii: jekologija, razvitie*, 2011, no 1, pp. 25–30.
14. Mankevich D. V. *Mentalitet i mental'nost': k voprosu o haraktere i sodержanii ponyatij* [Mentality as a characteristic of culture]. *Retrospektiva: vseмирnaya istoriya glazami molodyh issledovatelej*, 2005, no 1, pp. 12–19.
15. Monina N. P. *Otrazhenie faktorov formirovanija russkogo mentaliteta v jazyke* [Reflection of factors shaping the Russian mentality in the language]. *Jazyk i kul'tura*, 2016, no 21, pp. 151–155.

ИПОСТАСИ ФЕНОМЕНА «МЕНТАЛИТЕТ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

16. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. Available from: ruscorpora.ru (accessed 30 July 2025).
17. Nechaeva E. F. *Jazykovoje soznanie i nacional'nyj mentalitet (k voprosu o terminologii)* [Linguistic consciousness and national mentality (on the issue of noterminology)]. *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*, 2009, no 2, pp. 30–33.
18. Polezhaev D. *Russkij mentalitet: social'no-filosofskaja koncepcija* [Russian Mentality: A Socio-Philosophical Concept]. *Przeegląd Wschodnioeuropejski*, 2012, no 3, pp. 285–303.
19. *Prepodavanje russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching Russian in Crimea: Historical and Ethnocultural Context: A Collective Monograph]. Ed. by L. A. Orehova, T. V. Arzhanceva. Simferopol, ID KFU Publ., 2022. 200 p.
20. Savchuk S. O., Arhangel'skij T. A., Bonch-Osmolovskaja A. A., Donina O. V., Kuznecova Ju. N., Ljashevskaja O. N., Orehov B. V., Podrjadchikova M. V. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya* [Russian National Corpus 2.0: New Opportunities and Development Prospects]. *Voprosy jazykoznanija*, 2024, no 2, pp. 7–34.
21. Seleverstov R. E., Tkach N. E. *Rossijskij mentalitet: osnovnye cherty i objektivnye faktory ego formirovanija* [The Russian mentality: its main features and objective factors of formation]. *Missija konfessij*, 2024, № 76, pp. 131–142.
22. Filippova Ju. F. *Konkordansnyj i dominantnyj analiticheskie podhody pri opisanii fol'klornoj kartiny mira jetnicheskikh nemcev (na primere pashal'noj obrjadnosti)* [Concordance and dominant analytical approaches in describing the folklore picture of the world of ethnic Germans (using the example of Easter rituals)]. *Vestnik IGLU*, 2012, no 1 (17), pp. 215–220.

**THE HYPOSTASES OF THE «MENTALITY» PHENOMENON
THROUGH THE PRISM OF CORPUS LINGUISTICS**

Litvinchuk I. N.

This study, aimed at examining the lexical distribution of adjectives with the noun «mentality», exemplifies the comprehensive interdisciplinary approach characteristic of modern linguistics. The work attempts to integrate methodological approaches from scientific fields of corpus linguistics, cognitive linguistics, psycholinguistics and sociolinguistics. The application of corpus linguistic methods allows us to identify objective patterns in the functioning of specific linguistic units in written discourse, as well as to trace the dynamics of semantic changes in the studied lexical distributions in the diachronic aspect of language and speech. The analysis of the cases of using the adjectives «national», «Russian», «specific», «slave», «Soviet», «ethnic» in distribution with the noun «mentality» is carried out on the basis of examples presented in the Russian National Corpus, in accordance with the following criteria: a) the specific functioning of these lexical distributions in the diachronic aspect; b) psychosemantic, sociolinguistic and cognitive-linguistic features of the actualization of the semantics of the considered phrases; c) genre and stylistic features of these distributions in various contexts. The main research method is concordance analysis, which allows us for a detailed examination of the interaction of the studied lexeme with other linguistic units and the identification of trends in its use in modern Russian. The results demonstrate that the concept of «mentality» acts as an important element of the cultural code, reflecting the communicative attitudes, values and speech behavioral patterns of native Russian speakers.

Key words: mentality, concordance, collocate, corpus linguistics, cognitive linguistics.